

УДК 94(3)

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ТИПЕ ЧЕЛОВЕКА НА БОСПОРЕ
ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

© 2011 г.

А.Н. Матукина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

matukina.a@mail.ru

Поступила в редакцию 05.10.2011

Анализируются особенности мировоззрения населения Боспорского царства в позднеэллинистический период. Несмотря на сильные ионийские традиции, в представлениях боспорян об идеальном типе человека появляются новые черты, обусловленные особенностями социально-экономического и политического развития государства.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, эпитафика, метрические эпитафии, историческая антропология.

Изучение различных аспектов ментальности древнегреческого общества – устойчивых духовных ценностей, форм организации мышления, картины мира – может значительно расширить наши представления об особенностях античной эпохи в истории Северного Причерноморья. Одной из важных составляющих понятия «ментальность» является представление о человеке как части мироздания и, в том числе, о чертах, составляющих идеальный тип человека. Несмотря на перспективность подобных исследований, специалисты, занимающиеся историей Боспора, не уделяли значительного внимания разработке вопросов, относящихся к предмету исторической антропологии, хотя свидетельства источников дают основание для анализа этого вопроса.

Источником для исследования послужили метрические эпитафии, найденные на территории античного Боспора. Нам известны 49 эпитафий, написанных преимущественно элегическим дистихом. Из них 11 посвящены умершим женщинам, 8 – совместные эпитафии мужчин и женщин, остальные были высечены на стелах над мужскими погребениями. Сам жанр метрической эпитафии, предполагавший увековечение памяти и происходивший непосредственно из ранних магических ритуальных выражений [1, с. 39], подразумевал идеализацию и героизацию умершего, выполненную по общепринятым канонам. В то же время эпитафические источники, в отличие от письменных, несут объективный характер и менее подвержены субъективизму авторов: эпитафии содержат достоверную информацию о конкретных людях, живших в интересующую нас эпоху. Надгроб-

ные надписи донесли до нас не официальную точку зрения, а сложившиеся в обществе стереотипные представления. Это делает метрические эпитафии одним из наиболее информативных источников для изучения такого сложного для понимания и анализа понятия, как ментальность древнего народа.

Большая часть известных нам эпитафий относится к периоду I в. до н.э. – I в. н.э. На Боспоре к этому времени произошли большие перемены в социально-экономических и политических отношениях, в результате которых в районе Боспора Киммерийского складывается эллинизм со всеми характерными для него признаками [2, с. 308–309]. Боспорское царство становится самостоятельным сильным государством, превратившись из симмахии (или амфикионии) независимых полисов в единое царство во главе с пантикапейскими монархами. Эллинистические тенденции в политике и экономике региона не только сохранились в позднейший период, но и стали основой для расцвета государства в I–III веках н.э. [3, с. 241]. Изменения в политической и социально-экономической структуре государства не могли не повлиять на изменение старой полисной идеологии, принесённой в колонии выходцами из метрополии.

В греческой общественной мысли классического и эллинистического времени существовало несколько терминов, обозначающих совокупность черт, присущих идеальному человеку: например, ἀρετή, καλοκαγαλία, ἀνδραγαλία. Отличаясь по времени и причинам появления, а также смысловым особенностям, все эти термины основывались на идее всестороннего развития человека и гармоничного сосуществования человека и полиса.

Наиболее ранним и самым распространённым понятием, использовавшимся для характеристики идеального человека, было ἀρετή – многозначное слово, обозначавшее превосходные качества, красоту, честь, доблесть, славные деяния и высокое мастерство и объединявшее все эти признаки в одном общем понятии: «добродетель и нравственное совершенство». Арете не было простым обобщением названных характеристик, но являлось самостоятельным философским термином, существовавшим уже в период архаики. У Гомера, как убедительно доказали Муни и Коуд [4, р. 6], значение этого термина меняется в зависимости от социальной роли конкретного человека, обозначая совокупность личных «профессиональных» качеств (в частности, для слоя аристократии таким качествами являются мужество, бесстрашие, воинская доблесть). У Гесиода (Op. et dies, 287–289) арете понимается как высокое нравственное качество, достижение которого возможно, но требует большого труда. Позднее софисты, не меняя содержания понятия, превращают *арете* в один из учебных предметов, которому можно научиться за сходную плату (Plato, Protag., 323–328). У Платона сущностью этого понятия является знание, которое и объединяет в себе все остальные виды добродетели. Его можно пробудить путём воспитания, но только в том случае, если оно уже было заложено в душе человека божественным промыслом (Plato, Men., 70a–100c). Аристотель усложняет понимание арете, различая арете ума и нрава, а также арете природные и неприродные, причём добродетель всегда является результатом осознанного выбора, «серединной» в поступках и чувствах человека (Aristotle, Eth. Nie. I 13, 1102a23–1103a10; Eth. Nie. II 6, 1107a). Особенностью употребления термина «арете» в эллинистическое время стала его тесная связь с государством: это понятие определяло отношения между полисами и теми, кто оказывал им те или иные благодеяния [5, с. 188].

Другим понятием, использовавшимся для обозначения идеального типа человека, стало словоупотребление *калокагатия* (καλοκαγατία), «καλὸς καὶ ἀγαθός». Появившееся в середине V в. до н.э. как попытка более чётко, чем прежде, обозначить различие между аристократией и прочими социальными группами, это сочетание ранее самостоятельных слов со временем (в эллинистическую эпоху) либо превратилось в единое понятие, употребляемое в отношении достойных представителей любого класса (а не только аристократии) [6, р. 373–374], либо использовалось в двух значениях: как описание социального статуса или моральных и гражданских доблестей [7, 74–76]. Не останавливаясь на

подробном анализе различных толкований понятия *калокагатия* и смысловых оттенков этого понятия у разных античных авторов и современных исследователей, отметим, что, несмотря на многообразие интерпретаций, у всех трактовок понятия «калокагатия» есть общая черта: в их основе лежит представление о гармоничном сосуществовании высоких интеллектуальных, физических, моральных и нравственных качеств, а также соответствующий им образ жизни [8, 9, 10, 4].

Рассмотрим, в какой степени эти идеи были развиты на Боспоре. Эпитафия Аполлония, сына Аполлония (Corpus Inscriptionum Regni Bosphorani (CIRB), 119, I в. до н.э.), сообщает нам о наиболее ценных качествах умершего: он был красив (κάλλος), любезен и благосклонен (χάρις) и наделён здравым смыслом (φρόνησις) [11]. Нужно отметить, что прилагательное χάρις многозначно и наряду с указанным значением может означать благоволение, расположение, честь, услугу, наслаждение, уважение и благодарность [12]. Описание умершего даёт представление о его внешнем облике (прилагательное κάλλος подразумевает физическое совершенство), уме и моральных качествах. Как мы видим, именно единство этих достоинств образует канон доблести (ἀρετή), «сломленный» после смерти Аполлония. То же единство трёх добродетелей было присуще, как сообщает эпитафия, Саббиону, сыну Стефана (CIRB, 146, II в. н.э.) – возможно, одному из немногих известных нам боспорских поэтов. Со смертью Саббиона «погибло всё доблестное, что было в нём»: добрый нрав (ἦθος), разум (νοῦς), расцвет (ἄκμη). В конце эпитафии ещё раз говорится о добром нраве умершего, который был «ласков со всеми». Вновь упоминаются интеллектуальные способности и черты характера; нет указаний на внешний облик, но сказано, что Саббион умер в лучшую пору своей жизни – ἄκμη (время высшего расцвета, в том числе расцвета телесного).

Сочетание мудрости и особенных черт характера, упоминаемых как главное достоинство человека, мы видим в эпитафии Стратоника, сына Зенона, «хранившего разумность и славные нравы» (CIRB, 145, I в. н.э.), и в надписи на могильной плите Смикра (CIRB, 118, III–II вв. до н.э.). О Смикре мы знаем, что он отличался справедливостью, «которая внедрена была в уме природою от рождения», и, как следствие, пользовался большим доверием со стороны сограждан.

Среди наиболее ценных личных качеств было и уважение к родителям: в эпитафии Эммыды, матери Энея, говорится о «сладостных да-

рах», которые боги ниспосллют сыну (который, вероятнее всего, и заказал эпитафию, увековечив более себя, нежели мать) за почтение к родителям (CIRB, 122, I в. до н.э.); такой же почётной выглядит постройка стелы на могиле Аргоня и Ма сыном Антипатром (CIRB, 132).

Заслугой, достойной упоминания в эпитафии, были не только личные моральные, физические и интеллектуальные качества того или иного человека, но и их социальное проявление: отношение к родине и те поступки, которые гражданин совершал для своего полиса.

В эпитафии на стеле Аристана, сына Аристана (CIRB, 133, I в. н.э.), отмечается, что он показал высокую доблесть (ἀρετῆ в значении «военная доблесть»), защищая стены отечества. Высокое общественное положение умерших было зафиксировано в эпитафиях Хариксена, сына Хариксена (CIRB, 140, I в. н.э.) и Мастуса (CIRB, 138, I в. н.э.): оба стяжали почёт и добрую славу от царей и сограждан. За что именно было получено столь высокое одобрение, нам неизвестно. Ещё одной характерной чертой идеального боспорянина является его полисность, гражданственность: человек, достойный памяти потомков, – всегда «сын своей отчизны» (CIRB, 1057 – стела Тимофея, сына Дасея, I–II вв. н.э.; CIRB, 1192 – стела Гастия и Адиманта, I в. н.э.).

Отдельно следует остановиться на чертах, которыми боспоряне наделяли идеальную женщину. Нам хорошо известны и основные занятия, и социальный статус женщины в греческом обществе, и требования, предъявляемые мужчинами жёнам и дочерям. Эти вопросы подробно разработаны как в отечественной, так и в зарубежной историографии [13, 14, 15, 16]. Анализируя роль женщин в жизни классического греческого полиса, исследователи чаще всего приводят свидетельства Ксенофонта (Econ., VII, 20) и Фукидида (Hist., II, 45): первый перечисляет основные занятия (или функции) женщины, второй называет наилучшей чертой женщины молчание о ней в обществе мужчин. В обоих случаях отношение к женщине и описание её социальных ролей даётся сквозь призму мужского сознания и патриархального общества и только через взаимосвязь женщины с миром мужчин.

Главным достоинством и наиболее ценным качеством боспорской женщины было выполнение предназначенной для неё роли жены: в большей части метрических эпитафий незамужних женщин упоминается о возможном, но неосуществлённом браке, когда девушка на выданье (μελλόγαμη κόρη) была похищена завистливым Аидом (βασκᾶνος Ἄιδης: это эпитафии

Хресты, дочери Александра (CIRB, 141, I в. н.э.), Феофилы, дочери Гекатея (CIRB, 130, I в. до н.э. – I в. н.э.), Клеопатры, дочери Мениска (CIRB, 124, I в. до н.э.), Мусы, жены Полистрата (CIRB, 139, I в. н.э.). Единственным утешением для родителей в этой ситуации была уверенность в том, что в загробном мире их дочь стала женой бога подземного мира, «разделив ложе бессмертного» (ἀθανάτων λέκτρων), то есть хотя бы после смерти выполнила свою важнейшую функцию. В эпитафии Феофилы, дочери Гекатея (CIRB, 130), эта идея отражена особенно полно: автор упоминает и сватавшихся к умершей юношей, и одного из них – Менофила, ставшего женихом Феофилы, и свадебный чертог, и брачные свечи как атрибуты свадебного обряда, свершившегося уже после смерти девушки.

Замужество само по себе не было значимой ценностью: оно рассматривалось как необходимое условие для рождения детей. Эпитафия Мусы, жены Полистрата, которая умерла, не успев стать матерью, называет её «οὐκ ἄλοχος» – «не жена». Женщина, не родившая детей, не становилась полноправной (с моральной точки зрения) супругой.

С замужеством была связана ещё одна черта, выступающая в эпитафиях как одно из главных достоинств девушки: её непорочность до брака и стыдливость. В эпитафии жены Дия (Болтунова, 1977, I в. до н.э.) упоминается, что она сумела «сохранить брачное ложе для супруга» (λέκτρων εὐνήν πρὸς γαμέτην ἦσθα φυλαξαμένη), из эпитафии Феофилы мы узнаём, что она была «образцом стыдливости» (τὴν σωφροσύνης ὑπόδειγμα), а одно из достоинств Клеопатры, дочери Мениска, – её «чистое тело» (σεμνὸν σκᾶνος). Соответственно, и верность, преданность (ἔσθλη, как у жены Дия) и любовь к мужу были главными достоинствами замужней женщины; неслучайно добродетель упомянутой Клеопатры автор эпитафии сравнил с добродетелью Пенелопы.

В женщине ценится и её хозяйственность: так, автор эпитафии Клеопатры, жены Зила, счёл нужным упомянуть, что умершая была «неподражаемой хозяйкой дома» (οἰκοδεσπο(τ)ία δὲ ἀσύγκριτον).

Помимо моральных и нравственных качеств ценилась и физическая красота: она упоминается в эпитафии Феофилы; в надписи Клеопатры, дочери Мениска, говорится о нежном облике девушки (τῆ ἀπαλή μορφῆ). Из эпитафий мы узнаём о красоте жены Дия (κάλλος) и «неповторимой красоте» (ἥς κάλλος ἀμείμητον) Клеопатры, жены Зила (CIRB, 144, I в. н.э.). Об этом же говорят многочисленные сравнения женщин и

девушек с харитами, олицетворявшими привлекательность и изящество, и музами (CIRB, 130,144).

Данные боспорских эпитафий во многом совпадают с данными греческой письменной традиции классического периода: добродетель женщины рассматривается только через её взаимоотношения с мужчиной: супругом, отцом, хозяином дома. С одной стороны, тип женщины, изображённой в эпитафиях, близок к патриархальному идеалу классической Греции (ионийские традиции сохранялись в течение долгого времени): она верная и любящая жена, сохранившая себя для мужа и, вероятно, переданная ему отцом, мать и хозяйка. В то же время старый стереотип дополняется новыми, появившимися только в период эллинизма деталями: красота, мудрость, талант в области мусических искусств, в то время как прежние добродетели отходят на второй план (так, только в одной из известных нам эпитафий женщина названа «неподражаемой хозяйкой дома», в других надписях акцент сделан на внешней красоте и достойных восхваления чертах характера). Те же черты появляются в эллинистических эпитафиях из других районов античного мира [15, с. 91].

К какому слою населения относились заказчики рассмотренных эпитафий и те, кому они предназначались? Некоторые имена умерших и их отцов свидетельствуют о принадлежности их носителей к аристократическим кругам (Стратоник, Аристон, Стефан, Зенон, Хариксен), другие могли принадлежать как знатным, так и простым гражданам (например, теофорные имена Аполлоний и Тимофей). О том, что значительная часть имён в упомянутых нами эпитафиях принадлежит людям, имевшим большой вес в боспорском обществе, косвенно говорит и формулировка отдельных эпитафий («стяжал славу у царей и народа» или выражение «при жизни был ласков со всеми», употреблявшееся, как правило, в отношении лиц, обладавших властью [17, с. 245–246]), и сам факт постановки каменного надгробия с эпитафией, требовавший значительных материальных затрат [18, с. 12–13]. Кроме того, выбор метрической формы эпитафии указывает на происхождение заказчика из наиболее образованного слоя боспорского общества, который мы можем назвать интеллигенцией.

В приведённых примерах существительное *арете* многозначно и обозначает множество черт, призванных дать читателю представление о совершенстве, присущем умершему. Для мужчины это и воинская доблесть, служение отчизне (в данном случае уже не полису, а Бос-

порскому государству), и ум, и доброе отношение к окружающим. Для женщины – выполнение роли жены и матери, красота и добродетельность. Та же многозначность названного понятия была характерна для всей античной литературы, где смысловые оттенки *арете* зависели от пола, возраста, рода занятий и социального положения погребённого. Примеры такого употребления встречаются как на аттических стелах, так и в эпитафиях Северного Причерноморья [19, № 61; 20].

I в. до н.э. стал одним из наиболее нестабильных и драматических периодов в истории Боспорского царства. К началу этого столетия объединение боспорских городов окончательно превращается в качественно новое государственное образование: в состав государства входят Нимфей, Феодосия и племена в Азии, меняется титулатура боспорского монарха, появляется этникон «боспорянин». Один из правителей государства, Перисад V, передаёт царство Митридату VI Евпатору. Уже находясь в составе Понтийского царства, Боспор переживает ряд политических и экономических потрясений (Митридатовы войны, восстание Савмака, ухудшение отношений с соседними варварскими племенами, разрушительное землетрясение 60-х годов и сопутствующий экономический и демографический кризис), которые не могли не повлиять на изменение традиционных мировоззренческих представлений боспорян.

В этих условиях происходит трансформация многозначного, как уже отмечалось, понятия *арете*: поскольку окончательно формируется идея принадлежности гражданина именно монархическому государству, Боспорскому царству, развивается идея новой гражданственности, обязательной и почётной принадлежности к общему делу – в том числе делу защиты своего отечества. В понятии *арете* на первый план выходит значимость человека в общегосударственной жизни, его заслуги перед отечеством, личностное развитие человека в приложении к интересам государства. Говоря об *арете* боспорских граждан, мы должны помнить, о какой «отчизне» идёт речь и почему столь большое внимание в эпитафиях уделяется «почестям со стороны царя». В то же время эта гражданственность сочетается с вниманием к отдельному человеку, его чувствам, переживаниям, привязанностям.

Несмотря на то что ни в одной надписи нет словоупотребления *καλὸς καὶ ἀγαθός*, мы видим, что это понятие (в значении сочетания моральных и гражданских добродетелей) стало неотъемлемой частью представлений об идеальном человеке. Мы не можем установить точно, от-

носились ли оно только к представителям высшего класса, или было одинаково употребимо для всех слоёв общества.

В представлениях об идеальном типе человека в эллинистическом боспорском обществе нашли отражение как традиционные воззрения, привнесённые из метрополии, так и новые черты, появившиеся в результате самостоятельного развития боспорского общества и государства. Те же тенденции были характерны и для других государств античного мира в эллинистический период.

Список литературы

1. Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма. Л., 1983.
2. Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1992. С. 249–309.
3. Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 171–242.
4. Mooney T.B., Coad G. Kalos Kai Agathos: Homeric Origins // SMU social sciences & humanities working paper series. Singapore, 2006.
5. Гушин В.Р. Материалы международной конференции «Эпиграфическая традиция» // Вестник древней истории, 2011. № 1. С. 187–191.
6. Donlan W. The origin of Kalos kagatos // The American Journal of Philology, Vol. 94, No. 4 (Winter, 1973).
7. Douglas L. Cairns. Review of F. Bourriot 'Kalos Kagathos – Kalokagathia // The Classical Review (New Series), 1997. 47.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Том VIII, книга 2. М., 1992, 1994.
9. Никитюк Е.В. К развитию представлений об идеальном человеке в греческой литературе V–IV вв. до н.э.: понятие и образ у Ксенофонта // Вестник СПбГУ, серия 2, 1994. Вып. 1 (№ 2). С. 111–116.
10. Bourriot F. Kalos Kagathos – Kalokagathia: D'un terme de propagande de sophistes à une notion sociale et philosophique: Étude d'histoire athénienne'. N.Y., 1997.
11. Corpus Inscriptionum Regni Bosporani (Корпус боспорских надписей). М. – Л., 1965.
12. Древнегреческо-русский словарь под ред. И.Х. Дворецкого. В 2 томах. М., 1958.
13. Скржинская М.В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
14. Скржинская М.В. Женщины в античных государствах Северного Причерноморья (по материалам Боспора, Херсонеса и Ольвии) // Боспорские исследования. Вып. XIX. С. 48–82.
15. Свенцицкая И.С. Греческая женщина античной эпохи: путь к независимости // Частная жизнь. Человек в кругу семьи / Под ред. С.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 74–102.
16. Cantarella E. Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore – London, 1989.
17. Свенцицкая И.С. Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 245–246.
18. Даниленко В.Н. Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968.
19. Peek W. Griechische Grabgedichte. Berlin, 1960.
20. Денисова В.И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // Советская археология. 1988. № 1.

THE IMAGE OF “PERFECT MAN” IN THE LATE HELLENISTIC BOSPORAN KINGDOM

A.N. Matukina

The author analyses some aspects of Bosporan Kingdom population's mindset during Late Hellenism. Despite the strong influence of the Ionian traditions, the Bosporans begin to develop new features in the image of a “perfect man”, determined by the state's socio-economic and political development.

Keywords: northern Black Sea littoral, Bosporan Kingdom, epigraphy, poetry epitaphs, historical anthropology.